

Эмоции, подобно кипящей лаве, окончательно вырвались из клетки разума, оставив лишь инстинктивное стремление к обладанию и наслаждению.

Руки крепко сцепились, ноги переплелись, словно они не хотели оставлять между собой ни малейшего зазора.

Чувство удушья заставило Е Чжицю инстинктивно выгнуть шею, но в следующий момент острые клыки впились в его кадык, не давая ему даже издать звук.

Сквозь пелену пота и слез, в крайне затуманенном зрении Е Чжицю мог различить лишь потемневшие от пота брови и глаза Цинь Цзяньхэ. Эти глаза были подобны бескрайнему глубокому морю, в котором невозможно было разглядеть дно.

Горячие капли пота падали вместе со страстными поцелуями, Е Чжицю невольно закрыл глаза.

Затем он почувствовал, как большая рука, сжимающая его лодыжку, внезапно напряглась, и ураган страсти обрушился на него...

Когда Е Чжицю снова проснулся, небо уже начало светлеть. Он с трудом поднял руку, чтобы посмотреть время, и только тогда понял, что Цинь Цзяньхэ вчера снял с него часы.

Он не позволял ему носить на себе ни малейшего предмета одежды. Властный и свирепый, Цинь Цзяньхэ контролировал все.

Но, без сомнения, это также делало Е Чжицю счастливым и безумным, заставляя забыть обо всех несчастьях реальной жизни и просто следовать за ним в этом головокружительном танце наслаждения.

Забыть о реальности было нелегко, поэтому ему нравилось это чувство.

Руки Цинь Цзяньхэ крепко обнимали его за талию. Е Чжицю осторожно пошевелился, но спящий мужчина, словно почувствовав это, тут же открыл глаза. Узкие глаза лишь слегка приоткрылись, но, встретившись с его взглядом, тут же озарились легкой улыбкой.

— Доброе утро, Е Чжицю, — сказал Цинь Цзяньхэ хриплым голосом и, как само собой разумеющееся, наклонился и поцеловал парня в лоб.

— Доброе утро.

Когда Цинь Цзяньхэ проснулся, Е Чжицю перестал сдерживаться и наконец дотянулся до телефона. Однако, не успев посмотреть время, телефон снова выхватили из его рук, и мужчина снова навис над ним.

— Не могу больше, брат, — со смехом оттолкнул его Е Чжицю. — Вчера еще не наигрался?

— Нет, — тихо ответил Цинь Цзяньхэ, его горячее дыхание коснулось уха Е Чжицю.

Легкая щекотка. Юноша был поражен, энергия мужчины, только что познавшего плотские утехи, действительно была неисчерпаемой.

— А ты? — Цинь Цзяньхэ повернул голову и поцеловал его мягкую мочку уха. — Сейчас уже не хочешь?

Казалось, Е Чжицю был мягким и милым везде, и каждая его часть могла растопить холодное сердце Цинь Цзяньхэ.

— Не хочу, мне хватит, — поспешно ответил молодой человек. Встретившись с ленивым и немного многозначительным взглядом любовника, он поспешил добавить: — Если захочу еще, то буду собакой.

Услышав это, Цинь Цзяньхэ, словно что-то вспомнив, вдруг помрачнел и, ничего не говоря, опустил голову и поцеловал его в губы.

— Неважно, — спустя некоторое время произнёс он. — Если бы это был ты, мне бы и щенок понравился.

Е Чжицю:

— Нет, — усмехнувшись, Е Чжицю толкнул Цинь Цзяньхэ. — У тебя слишком низкие стандарты.

— Хм? — Мужчина тоже усмехнулся и спустя мгновение тихо сказал: — Иди сюда, просто обниму.

Е Чжицю перестал сопротивляться и послушно прижался к нему. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь их размеренным дыханием.

Спустя некоторое время первым заговорил Е Чжицю.

— Который час? — тихо спросил он. — У меня сегодня ещё занятия.

— Такой прилежный? — тихо рассмеялся Цинь Цзяньхэ.

— Конечно, — тут же ответил Е Чжицю. — Мой учитель очень хорошо ко мне относится, я не

могу постоянно отпрашиваться.

— Такой послушный? — снова засмеялся Цинь Цзяньхэ.

Е Чжицю:

— Эй, — Е Чжицю рассмеялся от негодования и позвал любовника по имени. — Цинь Цзяньхэ.

Цинь Цзяньхэ потрепал его по голове и уже хотел взять телефон, чтобы посмотреть время, как зазвонил будильник Е Чжицю.

— Половина седьмого.

— Поспи ещё немного, — Цинь Цзяньхэ встал, накинул халат и сказал: — Я пойду приготовлю завтрак.

Плотные шторы были задернуты, в комнате было темно. Е Чжицю зарылся в одеяло и кивнул, выглядя невероятно послушным.

Не в силах сдержаться, Цинь Цзяньхэ снова наклонился и оставил на его лбу горячий поцелуй.

Дверь открылась и закрылась. Е Чжицю снова закрыл глаза. Он немного полежал, собираясь с мыслями, а затем скинул одеяло и встал с кровати. Переодевшись, он открыл дверь спальни и увидел, как Цинь Цзяньхэ выкладывает пельмени на тарелку.

— Пельмени? — глаза Е Чжицю загорелись. — Ты купил?

— Нет, — улыбнулся тот. — Дядя Фу вчера налепил и принёс, я положил их в морозилку и вчера вечером привёз сюда.

— Ты такой хороший, Цинь Цзяньхэ, — Е Чжицю потянулся за тарелкой. — С тобой я никогда не буду голодать.

— Почему? — Цинь Цзяньхэ с улыбкой посмотрел на него и взял палочки. — Раньше голодал?

Не то чтобы голодал. Но если бы не Цинь Цзяньхэ, сейчас ему, возможно, пришлось бы довольствоваться чем попало.

На столе уже стояла тарелка с жареными овощами и фруктовая тарелка, в которой помимо фруктов лежали несколько ореховых печений.

Они позавтракали, сидя друг напротив друга. Цинь Цзяньхэ первым отложил палочки и пошёл в спальню переодеваться. Выйдя, он держал в руке галстук. Видя, что Е Чжицю тоже отложил палочки, он слегка приподнял свои тёмные брови:

— Учитель Е, можете?

Е Чжицю:

— С этого дня я буду отвечать за ваши галстуки, — Е Чжицю со смехом взял галстук и, вопреки своим словам, ловко обвил длинную узкую ткань вокруг шеи Цинь Цзяньхэ, завязывая узел. — Если вы будете платить мне отдельную зарплату.

— Хорошо, — сексуальный кадык мужчины слегка дёрнулся. — Назовите цену, я скажу секретарю, чтобы рассчитал общую сумму до вашего столетия и выплатил вам единовременно?

Е Чжицю с улыбкой ответил:

— Давайте подпишем контракт на год или два, а потом, после испытательного срока, подумаем о другом.

Завязав галстук, он сделал полшага назад и, склонив голову, оглядел Цинь Цзяньхэ. Идеально сидящий костюм подчёркивал его холодность и сдержанность, он казался совсем другим человеком по сравнению с тем, кто шептал ему нежности утром в постели.

Но вскоре они снова стали единым целым. Потому что Цинь Цзяньхэ снова наклонился к нему, и его горячие губы коснулись кончика его носа.

— Я пошёл на работу, — сказал он.

— Угу, — Е Чжицю поднял на него глаза, его глаза сощурились в полумесяцы. — Будь осторожен в дороге.

— Тебе не кажется... — глаза Цинь Цзяньхэ потемнели, он словно хотел что-то сказать, но вдруг остановился.

— Что? — спросил Е Чжицю.

— Ничего, — ответил Цинь Цзяньхэ, в его слегка опущенных глазах плясали смешинки.

Он открыл дверь, но вдруг снова повернулся, держась за ручку:

— Учитель Е.

— Да? — Е Чжицю посмотрел на него.

— Что ты хочешь съесть вечером? — спросил Цинь Цзяньхэ.

Е Чжицю немного подумал:

— Тушеную свинину "Хуншао"?

— Приготовлю, когда вернусь.

Он был в костюме, каждое его движение излучало врождённое благородство и элегантность. Но почему-то эти слова звучали совершенно естественно. Словно всё его существо, с головы до ног, излучало нежную решимость.

Дверь закрылась. Спустя некоторое время губы Е Чжицю невольно изогнулись в улыбке.

Когда человек занят, время летит незаметно. Закончив утренние занятия, он сразу же вернулся в компанию.

Думая о свинине в соусе хуншао, после работы он отправил Цинь Цзяньхэ сообщение.

Один лист знает осень: "Я пойду куплю свиную грудинку с кожей, ты после работы сразу езжай домой."

ЦИНЬ: "Хорошо."

Е Чжицю больше не отвечал, выключил экран телефона и направился на ближайший рынок.

В последние годы прошлой жизни рынок был практически самым частым местом, которое он посещал. Настолько частым, что он стал ему противен, вызывал отвращение, как психологическое, так и физическое. Поэтому после перерождения он ни разу туда не ходил.

Потому что даже просто проходя мимо, он чувствовал страх. Страх, что его перерождение — всего лишь иллюзорный сон. Страх, что, проснувшись, он обнаружит себя выбирающим овощи и вынужденным вернуться в ту большую квартиру с Ци Синем.

Но сегодня он впервые забыл об этом чувстве. Более того, когда на мясном прилавке он выбрал отличный кусок свиной грудинки с кожей и получил похвалу от продавца, он даже почувствовал лёгкую радость. А когда он закончил покупки и уходил, он был абсолютно

уверен, что теперь у него есть дом, куда можно вернуться.

Положив покупки в багажник, Е Чжицю не стал сразу уезжать, а сел в машину, чтобы медленно прочувствовать это ощущение, запечатлеть его в памяти.

Затем он спокойно завёл машину и развернулся.

Поход на рынок не занял много времени, но, когда Е Чжицю вернулся домой, Цинь Цзяньхэ уже был там. Очевидно, он тоже сразу после работы поспешил обратно.

В доме горел яркий свет. Мужчина стоял, прислонившись к дверному косяку кухни, и разговаривал по телефону. Пиджак он снял, рукава чёрной рубашки были закатаны, открывая крепкие, изящные предплечья. Увидев Е Чжицю, он машинально протянул свободную руку и взял у него покупки.

— Извините, дядя Лю, — вежливо произнёс он. — Мои родные вернулись. Давайте продолжим этот разговор завтра в моем офисе.

— Что? По работе говоришь?

— Пустяки, — Цинь Цзяньхэ посмотрел на Е Чжицю, в глазах мелькнули искорки смеха. — Займись пока своими делами. Я позову тебя, когда ужин будет готов.

— Хорошо. — Вспомнив о деле, Е Чжицю сказал: — Ты видел сегодня моё письмо по поводу спонсорских вещей? Те несколько комплектов, которые я выбрал, подойдут? Если да, я скажу, чтобы их подготовили.

Предоставление одежды для спонсорства, будь то для фильмов, сериалов или мероприятий, в принципе, должно было согласовываться с Мэн Да. Он должен был подтвердить, есть ли у компании другие потребности или требования. Но Мэн Да ещё не вернулся, поэтому Е Чжицю написал У Цюну, а затем, минуя его, отправил письмо непосредственно Цинь Цзяньхэ.

— Угу, — Цинь Цзяньхэ взглянул на него. — Всё отлично. Я увидел твоё письмо, когда уходил с работы, и уже ответил.

Е Чжицю открыл почту, и действительно, в папке «Входящие» лежало ответное письмо от Цинь Цзяньхэ.

Е Чжицю ничего не ответил и, опустив голову, написал Чжан Лань сообщение, попросив её связаться с соответствующим отделом компании. Как только спонсорские вещи будут готовы, нужно связаться с Лю Сы, чтобы съёмочная группа прислала кого-нибудь забрать их.

Отправив сообщение, Е Чжицю прислонился к столешнице и молча наблюдал, как Цинь Цзяньхэ готовит.

У него были красивые руки, длинные пальцы с чётко очерченными суставами. Даже просто моя овощи и нарезаю их, он двигался с особой, решительной грацией. Спокойный, словно не испытывающий никаких лишних эмоций. Но каждый кусочек мяса был приготовлен с любовью, специально для Е Чжицю. Даже когда он обжаривал сахар, чтобы получить карамельный цвет, он добавил несколько лишних кусочков.

Неосознанно Е Чжицю поднял глаза. Он смотрел на его густые, опущенные ресницы, на чистую безмятежность и сосредоточенность во взгляде. Как будто в этот момент приготовить вкусный ужин было для него важнее всего на свете.

На мгновение Е Чжицю охватило чувство, что «так, наверное, тоже неплохо».

Конечно, нельзя всё время позволять Цинь Цзяньхэ готовить одному. Любые длительные «неравные» отношения приводят к дисбалансу. Не говоря уже о том, что бизнесмен и так был достаточно занят, и даже если бы он хотел, время не позволило бы.

"Пора нанять домработницу", - подумал Е Чжицю.

— Что смотришь? — Находясь в своих раздумьях, Е Чжицю услышал, как Цинь Цзяньхэ вдруг с непонятным выражением посмотрел на него. — Подай чайник.

— О, — отозвался Е Чжицю и послушно протянул чайник.

Налив кипятка в кастрюлю, Цинь Цзяньхэ поставил греться ещё одну, а затем повернулся к парню.

— Учитель Е, — тихонько рассмеялся он. — Почему ты всё время украдкой на меня смотришь?

— Я... — Е Чжицю на мгновение потерял дар речи. — Я на мясо смотрел.

— Готово, — сказал Цинь Цзяньхэ. — Мясо тушится, теперь можно на меня посмотреть?

— ...

Е Чжицю тихо моргнул, но, прежде чем он успел что-то сказать, Цинь Цзяньхэ уже приблизился. В небольшой кухне он заключил его в объятия, наклонился и, прижав к столешнице, поцеловал.

Поскольку Е Чжицю всё время был от него на расстоянии вытянутой руки, это был самый счастливый ужин, который Цинь Цзяньхэ когда-либо готовил. Но он ничего не сказал, лишь тихонько рассмеялся:

— С того момента, как ты вошёл, я хотел тебя поцеловать.

— Господин Цинь, ты уже какое-то время как «вкусил запретный плод», — с усмешкой посмотрел на него Е Чжицю, в глазах мелькнули влажные искорки. — А всё ещё такой ненасытный?

— Учиться никогда не поздно, — тихо ответил Цинь Цзяньхэ. — И учитель так хорошо учит.

— Эй, Цинь Цзяньхэ, — Е Чжицю широко распахнул глаза.

Цинь Цзяньхэ давно заметил, что Е Чжицю называет его по имени, когда теряется. Услышав это, он перестал дразнить его и, улыбаясь, снова наклонился, чтобы поцеловать.

Тушёная свинина была очень вкусной, и Е Чжицю съел на ужин лишнюю порцию риса.

Убрал со стола, они оба, сидя по разные стороны, занялись своими делами.

Ближе к полуночи Цинь Цзяньхэ взглянул на часы и напомнил Е Чжицю выключить ноутбук и идти в спальню принимать душ и отдыхать.

Круглая большая кровать была очень удобной и мягкой. Цинь Цзяньхэ обнял парня.

Плотные шторы хорошо защищали от света, в комнате было темно. Е Чжицю протянул руку и взял ладонь мужчины. Тот сжал его руку в ответ, их пальцы переплелись.

В тишине Е Чжицю вдруг заговорил.

— Цинь Цзяньхэ, — сказал он. — Я хочу нанять домработницу, чтобы готовила.

<http://bllate.org/book/14243/1258154>